

Образ И.Л. Андроникова в книжном знаке 1960–1970-х гг.

Шелухина Екатерина Николаевна

Выпускник (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет искусств,
Москва, Россия

E-mail: e.sheluhina@yandex.ru

Соседство словосочетания «книжный знак» с именем замечательного исследователя, писателя и рассказчика И.Л. Андроникова рождает немалый интерес. Ибо Андроников - автор пятнадцати книг, среди которых монографии, сборники статей, очерков и рассказов, - всё же по сути своего таланта был человеком не книжным. Недаром, говоря о его литературном наследии, мы прежде всего упоминаем жанр «устного рассказа». Сам автор подчеркивал, что явление это особое. Устные рассказы рождаются как импровизации, живут и могут всякий раз изменяться в авторском исполнении, которое непременно содержит в себе интонацию устной речи, музыкальную интонацию и актерское решение образа. То, что «оторванные от автора, они многое теряют» [3, с. 32], отметил даже А.М. Горький в кратком слове, предпосланном самой первой публикации рассказов Андроникова в журнале «30 дней» в 1935 г.

Точно так же и портрет Андроникова-исследователя разительно отличается от привычного представления о «книжном человеке». В основе его метода - научный поиск. Это замечательно сформулировал К.И. Чуковский. Он писал, что Андроников - «это новый, небывалый тип литературоведа XX века: <...> литературовед-скороход, путешественник, странник» [6, с. 7].

И всё же заслуги Андроникова в изучении и популяризации печатной книги или рукописного документа неоспоримы. Он привлекал внимание общественности к проблемам библиотечного дела, архивного хранения, вел радио- и телепередачи из Ленинской библиотеки и литературных музеев, явился инициатором издания и редактором серии сборников «Встречи с прошлым» ЦГАЛИ. При его непосредственном участии Государственный музей А.С. Пушкина получил в дар более десяти тысяч изданий, составивших уникальную библиотеку русской поэзии И.Н. Розанова.

Вот почему интерес советских мастеров книжного знака к И.Л. Андронинову закономерен. Но прежде чем перейти к описанию работ, созданных для него, необходимо в самых общих чертах рассмотреть книжный знак как таковой.

Как и всякий знак (т.е. «то, что служит условленным представлением какой-либо вещи, события, действия» [5, с. 23]), *книжный знак (или экслибрис)* может представлять библиотеку (ее состав или главную направленность) и передавать знание о владельце этой библиотеки. Сюжет рисунка и девиз экслибриса «характеризуют интересы, вкусы владельца книги» [4, с. 241].

Выполняя главное свое предназначение - быть «охранной грамотой» книги, книжный знак представляет и личность ее владельца в двух аспектах: как «*индивидуальность*» (т.е. восприятие личности другими людьми) и как «*персональность*» (самовосприятие личности) [5, с. 411].

Проявлением «персональности» в книжном знаке могут быть пожелания его будущего владельца, высказанные художнику, а также случаи, когда экслибрис исполняется самим владельцем библиотеки. Зачастую «индивидуальность» и «персональность» вступают в противоречие: к примеру, А.М. Горький не принял созданный для него графиком В.И. Соколовым эскиз книжного знака, изображавший дерево, отягощенное обилием плодов, и

высказал при этом пожелания, какой сюжет подошел бы для этой цели [4, с. 241].

Как художественное произведение, экслибрис призван «передать заветную мысль, сконцентрированную в одном образе» [4, с. 241]. И образ этот всегда предельно насыщен.

Интересно, что здесь просматривается определенная параллель с принципом построения образа (портрета героя) в рассказах Андроникова. По его собственным словам: «... схватив суть образа, уже нельзя ошибиться. Главное - это отобразить самое главное в нем. <...> Конечно, он антифотографичен. Он - собирательный. Десять разговоров я сливаю в один, из них отжимается то, что наиболее характерно. Естественно, отстой оказывается очень густым» [2, с. 18].

И здесь, на удивление, «индивидуальность» героя, выявленная Андрониковым в обобщенно характерном виде, нередко вступала в противоречие с его «персональностью». На этом, в частности, построены юмористические коллизии рассказов об И.И. Соллертинском («Трижды обиженный, или Все познается в сравнении») и С.Я. Маршаке («Веду рассказ о Маршаке»).

В 1960-70-х годах несколько видных мастеров книжного знака создали работы для И.Л. Андроникова.

В работе *Е.И. Кузнецовой (1971 г.)* узнаются композиционные элементы памятника, установленного на месте гибели М.Ю. Лермонтова в Пятигорске. Рисунок изображает стилизованных птиц грифов, с трех сторон охраняющих раскрытую книгу (на ее страницах - инициалы владельца). Скульптурный прототип, обобщенно воссозданный на бумаге в технике *штрихового клише*, придает изображению материальную весомость.

Работа адресует нас не просто к лермонтоведческой деятельности И.Л. Андроникова в целом, но и к многолетнему сотрудничеству исследователя с коллективом Государственного музея-заповедника «Домик Лермонтова» в Пятигорске.

Две работы *К.С. Козловского (1964 г.)*, выполненные в технике *ксилографии*, представляют собой вариации на тему лермонтовского «Демона». И.Л. Андроников писал о главном герое поэмы: «История ангела, восставшего против небесного самодержца, приобретала общественный смысл. Наделенный исполинской силой страсти и несокрушимой волей, воплотившей в себе идею свободы и отрицания, "познав жадный" лермонтовский Демон воспринимался людьми 40-х годов (девятнадцатого века - *Е.Ш.*) как символ личности свободной, гордой, сомневающейся, мыслящей, непокорной» [1, с. 605].

Прообразами изображений послужили иллюстрации М.А. Врубеля к изданию сочинений М.Ю. Лермонтова 1891 г. - «Голова Демона на фоне гор Кавказа» и «Демон у стен монастыря». Причем, по сравнению с оригиналом Врубеля, фигура стоящего Демона на гравюре Козловского отображена зеркально.

Экслибрис *Ф.Д. Молибоженко (1974 г.)* выполнен в технике *ксилографии* по мотивам поэмы А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» и является самостоятельной авторской композицией. Работа завершает серию из восьми работ, связанную с именем поэта. Она разрабатывалась художником по просьбе С.А. Вуля (1903-1988), известного библиофила и коллекционера, бывшего в то время председателем московского экслибрисного общества.

Без сомнений, создание экслибриса для И.Л. Андроникова в год 175-летия со дня рождения А.С. Пушкина связано с деятельной любовью Ираклия Луарсабовича к творчеству поэта, с плодотворной работой литературоведа в качестве председателя Комитета по проведению Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии (с 1967 по 1976 г.).

В замысле, в прообразах, в художественном воплощении этих книжных знаков соеди-

нились живопись, графика, скульптура, поэзия. Эти и другие виды искусства (чаще всего в созвучии и переплетении) составляли многогранную тематику работ И.Л. Андроникова.

Источники и литература

- 1) Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1977.
- 2) Андроников И.Л. Оглядываюсь назад // Андроников И.Л. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 1980. С. 7-20.
- 3) Андроников И. Рассказы-разговоры // Тридцать дней. – 1935. – № 9. С. 32-35.
- 4) Книжный знак // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 3. М., 1966. С. 241-242.
- 5) Лободанов А.П. Семиотика искусства: история и онтология. М. 2011.
- 6) Чуковский К.И. Ираклий Андроников // Андроников И.Л. Рассказы литературоведа. М. 1969. С. 5–12.